П. ЗАЛУЦКИЙ и Г. САФАРОВ

ЕЩЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД 1926

Ленинградский Гублит № 4618. Заказ № 1179 Тираж 10.000—2¾ л.

Государственная тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

П. Залуцкий

О служилой ортодоксии и фальсификации и чужих взглядов.

I.

У Кузьмы Пруткова есть изречение, что «вакса чернит с пользою, а человек с удовольствием». Вот этого сорта удовольствием крючкотворцев почему-то занялся тов. Ломинадзе по моему адресу в номере «Правды»—ц. о. партии, от 6 числа с. м.

В статье «К вопросу о характере нашей промышленности» тов. Ломинадзе впадает в раж изобличителя и поборника ортодоксии. Он ломится, что называется, в открытую дверь все для того, чтобы доказать то, что давным давно известно даже не читавшему азбуки коммунизма, а именно,— что наша государственная промышленность есть промышленность «последовательно социалистического типа».

Все это для того, чтобы изобличить и сокрушить супостата, чтобы показать, как автор вот этих строк поддался «меньшевистской пропаганде», и чтобы за-одно лишний разок лягнуть и указать на «известную опасность», которая «может найти отклик в новых сырых пластах рабочих, не прошедших школы организованной классовой борьбы». (См. «Правду» от 6 с. м.).

Как видите, тов. Ломинадзе здесь выступает в роли высшего регулятивного разума, который витает где-то над массами рабочего класса и опасается довериться их «сырости». Это—на девятом году победоносной пролетарской революции, в условиях неуклонного роста государственной (слушайте, тов. Ломинадзе) социалистической промышленности!

Как все это похоже на старые, сотни раз слышанные интеллигентски-меньшевистские фразы о том, что «сырость» и «некультурность» рабочих масс мешает им понять доподлинную истину! Как все это похоже на чисто интеллигентское, надмассовое «опекунство» над бедными «сырыми» рабочими!

Старенькую и очень старенькую песенку вы подтягиваете, тов. Ломинадзе, но на новый лад. Это верно.

Тов. Ломинадзе мог бы с большим успехом упрекнуть меня кое в чем другом, что совсем непохоже на чиновничье-служилую «ортодоксию» тов. Ломинадзе.

Именно тов. Ломинадзе мог бы меня упрекнуть в том, что я очень недоверчиво и критически отношусь к некоторым попыткам переоценки НЭП'а—переоценки, возводящей НЭП в социализм. Я также не считаю, что лозунг буржуазного обогащения есть ленинизм. Нужно сказать, к чести автора этого лозунга, что он признал ошибочность этого,—я этому только искренне радуюсь. Затем я повинен в том, что настороженно критически отношусь к точке зрения, ревизующей в ленинизме «бедняцкие иллюзии», к попыткам через голову бедняка,—а не совместно с бедняком,—осуществлять союз с середняком и более зажиточными слоями крестьянства; я против той рабоче-боязни госаппарата, которая так сочно выражена в опасениях тов. Ломинадзе, в его сентенциях о «сырости» рабочих масс, против тенденции, которая по сути дела проявляет пока только признаки сползания некоторых товарищей с классовой базы (в политике) на базу «высшего», надмассового «регулятивного разума», витающего где-то «около» пролетариата.

Во всем этом тов. Ломинадзе мог бы меня смело упрекнуть. По сути дела все это и является причиной того, что товарищи Ломинадзе ищут у меня той или другой зацепки, чтобы приклеить ярлычок «меньшевизма», «пессимизма», чтобы сделать из меня литературное пугало. Но об этом ниже. Перейдем к характеру нашей госпромышленности.

II.

Заглянем прямо в корень вопроса. Рассмотрим нашу промышленность с точки зрения наших имущественных отношений, с точки зрения отношений собственности. Это нас избавит от длинных, водянистых рассусоливаний товарищей Марецких и Ломинадзе по этому вопросу.

Промышленность, являющаяся собственностью рабочего государства, есть социалистическая промышленность. Структура собственности определяет характер промышленности. Вот где корень вопроса.

Но, несмотря на простоту и ясность этой постановки вопроса, определение тов. Ленина, что государственная промышленность или государственные промышленные предприятия есть «предприятия последовательно социалистического типа», много правильнее. Почему?

Потому, что на экономической базе отношений собственности должна еще вырасти и социальная надстройка, то отношение или взаимоотношение людей в производственном процессе, которое зовется социализмом или социалистическим строем.

Этого у нас пока еще нет. Если бы это уже было, то это значило бы, что мы вступили в период отмирания классов и классового общества, засыпания государства, как оружия классового господства, и как это ни странно—и к о т м и р а н и ю п р о ф с о ю з о в, потому что тогда профсоюзам нечего и не от кого будет защищать материальные интересы рабочего класса. Об этом тов. Ленин очень ясно говорил в своей речи во время первой дискуссии против тов. Троцкого. Он предполагал, что мы к этому можем прийти лишь через 15—20 лет. Может быть, придем и скорее, но пока еще это время не наступило. У нас еще не преодолена та пестрая мозаика различных типов экономики в хозяйственной структуре нашей страны, которую тов. Ленин в своей брошюре «О продналоге» разграничил на пять различных типов.

В своей брошюре о звеновых организаторах я имел в виду не экономическую структуру собственности государственной промышленности, а ту социальную надстройку, которая еще не доросла до социализма. Я там стараюсь формулировать коренную, но еще нерешенную задачу, к которой по силе возможности наш Губком стремится конкретно подвести пролетарские массы Ленинграда (через производсовещания, выдвижение мастеров и т. д.). Я там говорю о необходимости на деле перейти к более высокой фазе отношений пролетариата в производстве, о необходимости и субективно перешагнуть через грань наемного труда к труду коллективистически-кооперированному. Я считаю, что над этими вопросами нужно работать и думать не «надмассовым» сверх-человечкам, а самим «серым» пролетарским пластам. Только с этой целью, чтобы пояснить свою мысль, я и оттенял «переходность» предприятий—к социалистическим во всех отношениях.

Теоретическими проблемами об экономической природе госпромышленности я в этой брошюрке не задавался, да для этого у меня и не было досуга. Но после того, когда я увидел в «Правде» целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность. Советовал бы это сделать и тем товарищам, кому эпигонствует тов. Ломинадзе.

III.

«Сырые» пласты рабочих так перепугали бедного Ломинадзе, что он в той же статье «возопил» прямо-таки «на седьмой глас благочестия» и с тревогой принялся неистовствовать на «философские» темы момента.

Наша промышленность еще не достигла довоенного уровня,—об'ясняет тов. Ломинадзе и продолжает:—

> «а в последние недели, в связи с переоценкой урожая и перспектив хлебозаготовительных операций, в связи с прекращением экспортно-импортного плана, вырисо-

вывается перспектива возможного сжатия плана развертывания промышленности и возможного временного замедления темпа ее роста. В то же время потребности рабочего класса повышаются неуклонно. Социалистическое накопление у нас, в известном смысле отстает от роста потребностей пролетариата. Это несоответствие между потребностями рабочих и возможностью их удовлетворения порождает порой уныние, пессимизм, упадочные настроения даже в активных слоях пролетариата, даже в нашей партии. Как бы мимолетны ни были эти настроения, какой бы узкий круг передовых рабочих они ни захватывали, они находят свое выражение в рядах партии». (Курсив мой—**П. З.**).

А еще ниже:

«некоторые товарищи в результате всего этого приходят к «переоценке ценностей». Настоящее их не удовлетворяет. Политика партии кажется им политикой перманентного отступления».

И еще несколькими строками ниже:

«на этой почве и расцветают такие «теории», как у тов. Залуцкого, который утверждает, что все имеющиеся сейчас в нашей хозяйственной жизни—пока лишь «государственный капитализм». (См. № 280 «Правды», статья к вопросу «О характере нашей промышленности»).

«Глубина ты, глубина, море-акиян!» Тов. Ломинадзе—сравнительно небольшая голова, а какая уйма путаницы в ней вместилась! Во-первых, еще только лишь «вырисовывается перспектива возможного сжатия плана развертывания промышленности», а тов. Ломинадзе уже рисуется целый «Кронштадт» со стороны рабочих, и «социалистическое накопление» сразу же «отстает от роста потребностей» и т. д. и т. д.

Вот где пессимизм и паника! Вот где интеллигентски-«надклассовая» боязнь рабочих и клевета на рабочие массы! Сами вы пессимист, тов. Ломинадзе, сами вы интеллигентски не доверяете рабочим, кичитесь над их «сыростью»! Не верите в рабочие массы и почему-то валите с больной головы на здоровую.

Во-вторых, мой доклад о звеновых организаторах сделан задолго до переоценки урожая, в то время, когда об урожае были лишь самые архи-розовые сведения и поэтому никакого касательства к вашим, тов. Ломинадзе, урожайным пессимизмам не имели и не имеют.

В-третьих, чересчур упрощенно, механически вы представляете себе методологию диалектического материализма,—по-богдановски, упрощенно ее понимаете. Ведь, в действительности все во много раз сложней и многообразнее, а вы дюймами лезете мерить процессы общественных взаимоотношений. Так прямо и получается: только «предвидится сжатие развертывания», а тов. Ломинадзе уже наперед оклеветал тех рабочих, которым еще предстоит пройти через эту фазу.

В-четвертых,—насчет моего «пессимизма». Я, тов. Ломинадзе, в революционном движении рабочего класса никогда не был «пессимистом», даже тогда, когда времена во сто раз были похуже. И доказал это своей почти двадцатилетней революционной работой.

Почему я не был и не мог быть пессимистом в революционном рабочем движении? Да просто потому, что к этому движению я пришел так же, как рабочим пришел к станку.

Я не могу быть в этой борьбе пессимистом потому, что не пришел к рабочему классу из другой, скажем, интеллигентской, социальной среды, не пришел к нему по гуманитарно-рассудочным соображениям, не принес к нему своих безвольных сомнений и тягучих недоумений. Нет, я не был «пессимистом» в самые тяжелые времена, не был им в тяжелые дни Кронштадта, Тамбовщины, Махновщины, Пет-

люровщины, сибирских восстаний и т. д., и т. п. А вот вы, тов. Ломинадзе, в эти дни были самым беспросветным пессимистом, например, в статье «Диктатура пролетариата в условиях новой экономической политики», помещенной вами в дискуссионном порядке в 1922 г. в «Справочнике ленинградского агитатора», в № 4, вы пишите следующее:

«Рабочее государство, являясь политическим органом рабочего класса, враждебно классу капиталистов и ведет вместе со всеми рабочими против него политическую борьбу, но в то же время, сращиваясь с частным капиталом (в «смешанных предприятиях», акционерных обществах и банках) и будучи экономически заинтересовано в эксплоатации всего рабочего класса, оно втягивается вместе со всеми капиталистами в общую и экономическую борьбу против рабочего класса. Таковы в развитом виде противоречия, присущие тому общественно-экономическому укладу, который устанавливается в Советской России в результате новой экономической политики.

Политика есть не что иное, как концентрированная экономика. Политика в конечном итоге определяется экономикой и подчинена ей. Но политика рабочего государства есть политика рабочего класса. А экономика его носит совершенно определенный капиталистический характер, т.-е. враждебна рабочему классу. Следовательно, если допустить, что из этих двух взаимодействующих факторов современная, т.-е. капиталистическая экономика явится постоянным или длительным условием развития на-

шего общественного строя, политика рабочего государства должна будет ей подчиниться и стать буржуазной, капиталистической политикой. Государство само из рабочего должно стать буржуазным государством. Гадать о том, как скоро это может произойти, устанавливать сроки, в пределах которых эти противоречия могут остаться неразрешенными, было бы пустым и бесплодным занятием. Но бесспорно то, что диктатура рабочего класса несовместима с капиталистической экономикой государства, если последняя примет постоянный или длительный характер. Рано или поздно, но при этом условии она должна будет уступить место власти буржуазии.

Трудно так же установить, в какой форме эта метаморфоза политической власти может произойти. Если фактическая носительница государственной власти — коммунистическая партия пред'явит максимум классовой устойчивости и сумеет при этом сплотить вокруг себя широкие массы рабочих, государство станет буржуазным лишь посредством насильственного контр-революционного переворота, который передаст власть в руки имущих классов. Если же этой устойчивости партия не достанет, и рабочая масса окажется распыленной, то наиболее вероятным исходом явится перерождение государства из рабочего в буржуазное».

Что это, тов. Ломинадзе, как не чистопробный меньшевизм? По-вашему это называется «верой в победу рабочего класса»? Здесь нет ни грана того пессимизма или упадочничества, которым вы хотите наградить меня? Да ведь за эту цитату вас сам Далин с Абрамовичем, Каутский с Шейдеманом облобызали бы. Пессимизм — это ваша сущность, тов. Ломинадзе,—не приписывайте ее другим.

Г. Сафаров.

Вынужденные заметки.

1. О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ И ПЕССИМИЗМЕ.

Вопрос о роли и значении государственного капитализма снова становится злободневным. Оно и понятно почему: для понимания сущности НЭП'а он является центральным. Намечавшиеся за последнее время попытки свести на-нет ленинское понимание роли госкапитализма в пролетарском государстве были, как известно, связаны с «переоценкой ценностей», с переоценкой значения НЭП'а, с недооценкой его отрицательных сторон, как это было отмечено резолюцией Октябрьского пленума ЦК.

Что же такое государственный капитализм и каковы его границы и пределы в пролетарском государстве?

Самое лучшее, что можно сделать в данном случае—это привести довольно соответствующие места из резолюции XI с'езда о профсоюзах, писанной Вл. Ильичом:

«Новая экономическая политика, — говорилось там, — вносит ряд существенных изменений в положении пролетариата, а следовательно, и профсоюзов. Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению

капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства.

Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму Компартия и Совласть осуществляют теперь особые примеры этого перехода, действуя в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, новым обходом, совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а с другой стороны, **социализированные** государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т.-е. на коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим».

— Таким образом, гвоздь НЭП'а заключается в допущении соревнования между социализмом и капитализмом на почве удовлетворения экономических интересов крестьянства. И тов. Ленин переход к НЭП'у, «этот весенний переход к новой экономической политике» в 1921 г., определял как «отступление к приемам», к способам, к методам деятельности государственного капитализма» [1].

Отсюда ясно, что отношения рабочего класса к обобществленным крупно-машинным средствам производства суть отношения социалистические. Но, поскольку наши

[1] Т. XVIII, ч. I. Стр. 397.

советские предприятия связаны с рынком целой системой приводных ремней, постольку в этой области отношений между нашей социализированной экономикой и частным хозяйством господствует государственный капитализм. Роль наших командных высот в народном хозяйстве определяется этой связью. Забвение этого равносильно забвению экономической основы классовых взаимоотношений.

Владимир Ильич указывал на существование пяти хозяйственных форм в нашей стране: патриархального, натурального хозяйства, мелкого товарного производства, частно-хозяйственного капитализма, государственного капитализма и социализма.

Он особо подчеркивал значение борьбы между социализмом плюс государственный капитализм против мелкобуржуазной стихии. Прав ли он был в этом отношении? Да или нет?

Вспомните хотя бы выступление тов. Ленина на московской губпартконференции 29 октября 1921 года. Он тогда не случайно напоминал о своей полемике с «левыми коммунистами»: «Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость брестского мира, мы поставили, например, весной 1918 г. вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы [1].

Почему Ильич придавал такое значение тому, чтобы госкапитализм стал господствующей хозяйственной системой? Потому, что этим самым нами достигается полная

[1] Т. XVIII ч. I. Стр. 391—392.

экономическая увязка отношений между рабочим классом и крестьянством, между социализированной промышленностью и мелко-крестьянской экономикой,—через рынок, но с плюсом для социализма.

Видел ли Ильич «паникерство», как выражаются на Украине, в подчеркивании роли промежуточных звеньев между капитализмом и социализмом?

Послушайте самого Ильича!

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого [1], преобладающего в России, состояния к социализму? Да мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, осли мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка. На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму» [2].

Быть врагом пессимизма и ликвидаторского уныния — значит уметь видеть и понимать действительность на основе точного анализа экономических, классовых отношений, уметь работать сообразно этому.

---

[1] Перед этим—описание нашей отсталости.

[2] О продналоге. Т. XVIII, ч. I. Стр. 221—222.

2. О СЧАСТЛИВО ОБНАРУЖЕННОЙ МАКДОНАЛЬДОВЩИНЕ И О СПАСЕННОМ ВАРЕЙКИСЕ.

Какие иногда бывают неожиданности!

Оказывается, что Саркис «из Ленинграда» не кто иной, как скрытый макдональдовец...

Помните, как было дело в одном рассказе Глеба Успенского.

— Одна сердитая старушка словечко «подле» приняла за то, что ее назвали «подлой», и начала громко причитать о том, что ее сын в Польше служил, что она самого благородного происхождения и т. д.

Тов. Саркис высказался за доведение процента рабочих в партии до 90%. Сие было «понято» так, что он стремится сразу же «перевести» в партию 90 процентов всего рабочего класса.

А дальше, конечно, начались причитания: «мой сын в Польше служил»,—«всякий мыслящий человек понимает, например, что, если бы вся масса, хлынувшая за последнее время из деревни и становящаяся к станку, получила немедленный прием в партию, без предварительной обработки на фабрике, в профсоюзах, на общественной работе вообще, то тогда бы исчезло настоящее коммунистическое руководство» [1].

Ах, этот ужасный Саркис! Зачем он так нервирует людей?! Без дальних слов нам преподносят уже не одного Саркиса, а целую саркисовщину, а заодно с ней и целую социологию «саркисовщины»: нечсчастный Саркис, видимо, отражает бессознательные стремления «становящихся к станку крестьян».

По сему пункту необходима, так сказать, географическая справка. Саркис в своих предложениях исходит из опыта Ленинграда. На этот опыт вместе со всей ленинградской орга-

---

[1] М. «Правда». Суббота 5 декабря.—«Об орабочении нашей партии».

низацией он опирается, настаивая на дельнейшем усилении пролетарского состава партии. Между тем, в Ленинграде основной кадр рабочих, собранных в промышленности и идущих в нашу партию, это старые, коренные рабочие, а не «становящиеся к станку крестьяне» из... статьи «Об орабочении нашей партии».

Этих «становящихся к станку» должно быть много больше в районах расположения не металлической, а текстильной промышленности.

«Макдональдовец» Саркис во всяком случае не из Ланкашира!

С другой стороны, и с самым фактом макдональдовского «перерождения» Саркиса дело обстоит из рук вон плохо. Зачем же понадобились подобные пустяки?

А вот зачем.—Дело идет о воскресении из мертвых некоторых персонажей явно небольшевистских уклонов. В воскресном номере «Правды» скромный тов. А. С. спасает еще более скромного тов. Варейкиса.

Амикошонское и хлестаковское отношение Варейкиса к Ильичу в его пресловутой брошюре выразилось в замечательном афоризме о ленинском «Развитии капитализма в России»: «Это блестящая работа, но ведь за 30 лет многое изменилось!»

В ответ на этот афоризм мы указали, что именно Варейкису, который нас тащит назад к православной русской общине (чтобы доказать, что он крайний враг «пессимизма»!), следовало бы несколько более пристойно отнестись к произведению Ильича, похоронившему мелкобуржуазно-народнические взгляды.

Скромный А. С. делая вид, что он не одобряет попытку Варейкиса оттащить нас на 50 лет назад, по этому поводу патетически восклицает: «Какую мелочь упустил тов. Сафаров, выступая подобным образом! Он забыл, как это ни чудовищно, что у нас есть теперь диктатура пролетариата»...

— Вот и говорите после этого, что у нас нет литературных ловкачей, с которыми нельзя иначе разговаривать, как в присутствии нотариуса!

Впрочем, не сродни ли этот ловкий тов. А. С. другому тов. А. С., который не столь давно в «Комсомольской Правде» писал о «Р сширении НЭП'а в деревне?» [1]. Там были замечательные заявления, достойные «самого» Богушевского. Там курс на середняка толковался как курс на «перерастание» середняцкого хозяйства в кулацкое.

Скромность украшает добродетели, особенно в нежном партийном возрасте. Однако, излишняя скромность вредна. Она мешает понять то, что «кооперативный» восторг тов. А. С. можно правильно истолковать лишь в связи с «расширением НЭП'а в деревне».

Варейкиса «спасает» А. С.! Это столь же удачно, как и об'явление Саркиса макдональдовцем из рядов крестьянской бедноты.

Будем ждать дальнейших «открытий» и проявлений юной скромности!

---

[1] № 75, 23 авг. 1925.

Г. Сафаров.

Еще раз вынужденные заметки.

I. ФАКТЫ — И НА ЭТОТ РАЗ — УПРЯМАЯ ВЕЩЬ!

Восстановим действительное развитие событий.—XIV партийная конференция единодушно приняла решения, направленные на дальнейшее развязывание торгового оборота в деревне, на дальнейшее упрочение отношений между рабочим классом и крестьянством.

В период от XIV партконференции до октябрьского пленума ЦК, кроме попыток Ларина оспорить союз с середняком, обнаружился уклон в сторону замазывания растущих классовых противоречий в деревне.

В резолюции XIV партконференции говорилось: «Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизменно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства».

XIV партконференция не рисовала перед партией гармонического и согласованного сотрудничества между растущими элементами социализма и элементами анархического капитализма. Она не сводила к мелкой подробности, к детали переплет классовых взаимоотношений, вырастающий из острого соперничества и борьбы этих элементов. Она не проповедывала фатализма, мещанского самоутешения в том смысле, что и кулак является «винтиком машины социалистического накопления».

Все это пошло от Богушевских, Канторов, Слепковых и т. д. и т. д.

Именно поэтому октябрьский пленум ЦК отметил, что «проведение решений XIV партконференции встречает в отдельных случаях такого же рода возражения, какие наблюдались при переходе к НЭП'у в 1921 г. В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон НЭП'а и в направлении непонимания значения НЭП'а, как необходимого этапа к социализму. Первая опасность—опасность недооценки отрицательных сторон НЭП'а—ведет к забвению интересов бедноты и недооценки кулацкой опасности. Вторая опасность—непонимание всей необходимости НЭП'а — ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране».

Какие такие изменения произошли после октябрьского пленума, которые позволяют шуметь о «паникерстве» перед кулацкой опасностью? Или уже проведены всюду в жизнь эти решения? Или уже есть явный перегиб в этом проведении?

Это первый вопрос, который невольно встает в связи с газетным и ораторским обстрелом ленинградской организации. Крики о «паникертве» пред кулаком, через несколько недель после резолюции об опасности недооценки кулака, об'ективно усыпляют бдительность перед этой опасностью, то-есть сводят на-нет определенное партийное решение.

Если судить по прениям на московской губпартконференции, то опасность от недооценки кулака совершенно ничтожная — по сравнению с «опасностями» со стороны ленинградской организации РКП (б).

Второе, что сразу бросается в глаза, так это то, что только за последне неделю — другую в печати и на

собраниях были открыты тайники разногласий по вопросу о госкапитализме. Получается такое впечатление, что лишь счастливая резвость некоторых красных профессоров позволила партии найти в своих рядах новую скверну.

Однако отношение Владимира Ильича к вопросу о государственном капитализме стало вновь ревизоваться в апреле—мае 1925 года. Этим занялись не зловредные представители ленинградской организации.

После апрельско-майских заявлений о неправоте Ильича в вопросе о госкапитализме мы до сих пор не слышали ни одного опровержения этих заявлений. Означает ли это молчание до сих пор молчаливое признание правильности критики, направленной против Ильича в вопросе о госкапитализме?

Разве приступая к вскрытию тайников «разногласий» по вопросу о госкапитализме можно замалчивать эти действительно-обнаруженные и точно зафиксированны разногласия с Ильичем?

Разногласия с Ильичем по вопросу о государственном капитализме есть пересмотр, ревизия взглядов тов. Ленина на НЭП.

Не нам принадлежит это замечательное изречение: «Раньше у него (В. И.) выходило так, что нет никакого социализма, что есть маленький островочек социализма, а все остальное — государственный капитализм, и даже островочек этот затерялся. А теперь выходит так, что мы крепнем».

Не мы обвиняли Ильича в подобном «ликвидаторском безверии».

Напрасно тов. Марецкий пытается по этому поводу допрашивать нас с пристрастием о нашем отношении к ЦК РКП (б)[1].

[1] М. «Правда», 11 декабря.

Он сделал бы много лучше, если бы не старался рядом уверточек прикрыть действительное положение дел.

Уже совсем нестерпимо смотреть, когда двойник Слепкова — А. С. — становится в позу «истинного защитника» ленинизма [1]. Ему ли, соратнику Богушевского, пристало это к лицу?

Когда такие соратники Богушевского, еще совсем недавно с истинно-европейской любезностью расшаркивавшиеся перед кулаком, сегодня принимают классическую позу, то волей-неволей вспоминаешь немецкого гувернера с классическим образованием из стародворянских времен.

— «Он говорил:—смотрите, для примера,
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Венера;
Так очертанье Вакха создалось:
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем Эрос.
А вот теперь я Аполлоном стану,—
И походил тогда на обезьяну...

2. ЧТО ЖЕ, НАКОНЕЦ, ГОВОРИЛ ТОВ. ЛЕНИН О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ?

До чего доходит иногда профессорская ловкость рук, можно видеть из следующего. В своей статье тов. Марецкий вынужден цитировать резолюцию XI с'езда о профсоюзах, писанную Ильичем. Но он берет из нее только то, что ему нравится, да и при этом еще извращает смысл сказанного Ильичем.

Между тем, если пункт первый этой резолюции указывает совершенно точно, в каком смысле НЭП является отступлением, то пункт второй прямо так и озаглавлен: «Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы».

---

[1] Там же.

В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской Революции» совершенно точно определял сущность нашего перехода к НЭП'у: «Мы рассчитывали—или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по - коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить—работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму».

В своих «Вынужденных заметках» мы указывали нашим критикам-профессорам и не-профессорам на речь Вл. Ильича на московской губпартконференции 29 октября 1921 г. Подводя итог первым результатам НЭП'а, тов. Ленин в то же время подчеркивал и основной смысл новой экономической политики: «Оживление экономической жизни, — а это нам нужно во что бы то ни стало,—повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало,—все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма».

Выдвигая на первый план значение кооперации в своей статье «О кооперации», тов. Ленин не изменял своим основным взглядам. В этой же статье мы читаем: «В НЭП'е

мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли, именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации».

Речь тов. Ленина на III Конгрессе Коминтерна не оставляет накаких сомнений на счет его взглядов на госкапитализм. «Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую форму его; это значит, что мы до известной степени заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это есть государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве,—это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще слишком сильной буржуазии, и бороться против нее» [1].

Наши ура-критики прикидываются тугими на ухо и усердно допрашивают о том, признаем ли мы госпромышленность—социалистической.

В 1001-й раз отвечаем: именно она-то и есть основа социализма во всем нашем хозяйственном переплете. Но, чтобы признавать не на словах, а на деле взгляды тов. Ленина в этом вопросе, нужно помнить, что строй взаимоотношений между этой социализированной промышленностью и миллионами мелких частных хозяйств представляет собою ряд промежуточных звеньев государственного капитализма, переходящих лишь постепенно и частично в организацию социалистического типа (кооперация)—по мере развития нашей социалисти-

[1] Т. XVIII, ч. I., стр. 332.

ческой производственной базы в лице советской промышленности.

Червонец есть не только свидетельство нашей экономической стабилизации, он—также и определенный регулятор классовых взаимоотношений с помощью госкапитализма.

Те, кто готов об'явить о чудесном превращении кулака в «винтик социалистической машины накопления» путем взноса трехрублевого пая в кооперацию, конечно, естественно стремятся затушевать классовую подоплеку взаимоотношений между различными хозяйственными формами, пытаются «смешать классы» в духе мещанского реформизма.

Юркий Марецкий что-то пищит о ликвидаторстве, ссылаясь на то, что «по Сафарову... выходит, что роль «командных высот», т.-е. социализма, у нас определяется все-таки госкапитализмом».

Мы не можем ходить с букварем за каждым компрофессором.

Однако, если нас к тому вынуждают, то приходится заниматься и таким «хождением по мукам».

Хотя Марецкий и глух ко всем цитатам из Ленина, пусть все же он пораздумает над тем, что писал Ильич: «государственный капитализм есть на-лицо—в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» [1].

И еще: «мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы»... «мы», авангард передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы

[1] О продналоге.

«мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода до-капиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь».

Мы не хотим ревизовать Ленина в вопросе о наших путях от НЭП'а к социализму.

В чем виноваты, в том каемся!

3. НУЖЕН ЛИ ТУМАН ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛИЗМУ?

«Одним из основных вопросов, которые стоят перед нами, является вопрос—куда мы растем? Перешли ли мы в наступление? Движемся ли к социализму? Ибо, ведь, новая экономическая политика не является для нас самоцелью... И характерно, что у сторонников «госкапиталистической» теории нашего хозяйства нет ясного ответа на этот вопрос» [1].

Таково мнение тов. А. Стецкого. Не все знают, что это—один из товарищей, который совместно с Богушевским и Слепковым решения XIV партконференции истолковал в «ревизионистском» духе.

Решения конференции о допущении аренды и наемного труда он об'явил без малого новым НЭП'ом. Его статья в «Комсомольской Правде» № 7 так и называлась «Новый этап новой экономической политики».

Решениями XIV партконференции,—писал он, — «не только совершенно снимается вопрос, который теперь, по словам одного делегата партийной конференции, мучит крестьян и местных работников: дозволено ли крестьянину богатеть и если да, то до каких пределов»,—но задачей партии, задачей Советской власти ставится содей-

[1] А, Стенкий, «О некоторых „теориях" НЭП'а». М. «Правда».

ствие развитию накопления в крестьянском хозяйстве, вульгарно говоря, — содействие его обогащению».

Чем это «откровение» Стецкого отличается от явно-кулацких рулад Богушевского?

Это легко можно выяснить простым сравнением.

«Поскольку мы признаем неизбежность двоякого пути развития сельского хозяйства, поскольку с другой стороны, индивидуальное развитие сельского хозяйства до поры, до времени ничуть не противоречит кооперативному развитию (более того, даже предполагается, так как нищее крестьянское хозяйство лишь с трудом (?!) может быть втянуто в кооперацию), постольку и пути индивидуального развития должны быть нами признаны прогрессивными. А такими путями без сомнения являются аренда и наемный труд[1].

Влюбленный в муху с давних пор,
Вздыхая, жук сел на забор:
— О, будь моей женою, муха,
И тела моего и духа!

Таково примерно отношение Богушевского и Стецкого к НЭП'у: НЭП не только источник материального питания социализма, но и «источник духа». Между НЭП'ом и социализмом никакой разницы нет. По крайней мере, для наших сердитых критиков!

Но ведь Стецкий выпытывает у нас: «Движемся ли мы к социализму?».

Движемся, любезнейший, но вопреки вашей мелкобуржуазно-благочестивой иллюзии содействовать — при этом! — еще и индивидуальному обогащению.

В этом отношении—увы!—мы горькие пессимисты: до сих пор еще не потеряли способности различать рабочего от кулака и не думаем, что можно уничтожить эти различия

---

[1] Богушевский. Об аренде и наемном труде. «Спутник Коммуниста», № 7/8.

путем ураганного огня «против Сафарова» (пишется Сафаров, чтобы не сказать Зиновьев?!) [1].

Профессора ужасно любят толковать о диалектике. Но на двусторонний процесс развития противоречий они смотрят, как на двубортный пиджак, который можно застегивать и на правую и на левую сторону. Таким образом, кулацкое обогащение оказывается изнанкой социализма и наоборот.

Что Ленин считал решающим в деле переделки всего нашего народного хозяйства, в смысле решающей победы социализма в нашей экономике?

«Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму»,—писал он в набросках брошюры о продналоге. Электрификацию он считал основным мерилом нашего внутреннего социалистического роста, ибо в ней он видел ту материально-производственную социалистическую базу, которая действительно способна коренным образом изменить классовые отношения, подготовить отмирание классов.

Попытки переоценки НЭП'а в смысле приравнения его социалузму или в смысле преуменьшения значения международной победы пролетарской революции выдают скорее ограниченное самодовольство, чем действительный революционный оптимизм, который нельзя примирить с мелкобуржуазным подслащиванием патриархальной русской общины (Варейкис), деревенского расслоения (Слепков, Богушевский, Стецкий) и т. д.

Да, мы идем вперед. Но идем вперед с боем, побеждая внутренние и международные классовые опасности, а не пряча голову под крыло, не задабривая литературной болтовней суровую классовую действительность.

Этому учил нас Ильич. А переучиваться мы не хотим.

---

[1] По существу полемика идет с книжкой тов. Зиновьева «Ленинизм».

Г. Сафаров.

О ликвидаторском „оптимизме“.

До сих пор лежал под спудом целый ряд литературных выступлений, относящихся по преимуществу к весне и лету 1925 года. Именно это обстоятельство мешает широкой массе членов партии разобраться в действительной цене тех обвинений в ликвидаторском пессимизме, которые направляются по адресу Ленинградской организации. Отдельные оговорочки в том духе, что сама Ленинградская организация — «здорова», заражены же вредным унынием лишь ее руководители, не имеют серьезного значения, так как от них несет старыми, знакомыми мотивами из периода наших боев с троцкизмом. Ведь и Троцкий противопоставлял партию аппарату. С другой стороны, подлинно-серьезное и деловое отношение к крупной пролетарской организации предполагает, что с нею считаются как с определенным коллективом, но не пытаются третировать ее по-ломовски, как какую-то бесформенную и безыдейную массу.

Собственно говоря, весенние литературные выступления по вопросам нашей крестьянской политики и сделали весну в вопросе о кулаке.

Как раз во всех этих выступлениях, несомненно противоречащих решениям XIV партконференции, красной нитью проходила мысль о том, что государственная социалистическая промышленность не является главным и решающим рычагом в деле нашего продвижения к социализму.

В политике частенько бывает, что нашим же добром нам бьют челом. Разберемся же по существу в отдельных выступлениях весны 1925 года.

Известно, что тогда была пущена в оборот идея о коренной перемене стратегического плана Ильичем в период с 1921 по 1923 год. В соответствии с этим, пошла литературная обработка в смысле «переоценки ценностей», в смысле переоценки взаимоотношений между нашей социалистической и пролетарской промышленной базой и кооперативной организацией широких крестьянских масс.

В наиболее наивной форме это выразил М. Кантор, принявшись за воскресение из мертвых всей старой ревизионистской рухляди.

Чтобы не быть голословными, подобно нынешним нашим обвинителям, приведем собственные слова М. Кантора:

«Ревизионисты заставили соц.-дем. более серьезно задуматься над отношениями с крестьянством, они предостерегали от слишком упрощенного подходя к хозяйственым процессам деревни (это упрощенство несомненно было). Они выявили роль крестьянской кооперации и впервые сделали теоретическую попытку увязать кооперативную проблему с общегосударственной, как ее часть».

Послушаем Давида:

Товарищества крестьянских производителей еще не представляют собой социалистической формации. Они далеки от этого. Но еще в меньшей степени „сельско-хозяйственные производительные товарищества этого рода являются переходной стадией к капитализму", как то утверждает Каутский. Таким утверждением с самого начала загромождают путь к правильному познанию того, что здесь происходит. Это есть преобразование отсталого, изолированного, мелкого производства в рациональное, организованное, мелкое производство. Мы должны видеть в этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве.

Развитие товарищества крестьянских производителей есть первое условие непосредственнного экономического союза между мелким крестьянином и промышленным рабо-

чим. Вторым условием является товарищеская организация последнего, как потребителя. И эта организация находится в процессе могучего, многообещающего развития. Здесь наводится широкий мост, через который в будущем потянутся массы трудящихся народа города и деревни, подавая друг-другу руки для прочного освободительного союза».

Как вам нравится эта тирада! Если бы из нее из'ять полемическую часть и отвлечься от того, что она имеет в виду капитализм, а не диктатуру пролетариата, то ее можно было бы поместить в любом нашем журнале, как образец правильного толкования смычки» [1].

Книжку господина Давида тов. Ленин в то время характеризовал, как «свод буржуазных предрассудков и буржуазной лжи, под прикрытием «тоже социалистических» «словечек» [2]. Кантор же представил положение таким образом, что для правильного понимания крестьянского вопроса ревизионистам нехватало лишь признания Советской власти. Он не потрудился даже поразмыслить над тем, что главный порок ревизионизма заключался в непонимании решающей роли крупной промышленности—как в деле организации борьбы рабочего класса за власть, так и в деле социалистического переустройства общества в целом.

Ревизионизм сознательно стремился преуменьшить значение крупной промышленности, как основы социалистического переворота, ибо он исходил из желания растворить рабочий класс в бесформенной мелкобуржуазной массе.

Русская эс-эровщина, бывшая самобытным ответвлением ревизионизма, также старалась свести на-нет зна-

---

[1] «Большевик», № 7.

[2] Т. IX. Стр. 226.

чение пролетарской классовой борьбы путем изыскания особых, внеклассовых и надклассовых путей развития русской деревни.

Еще в 1923 году т. Ленин писал про сухановскую теорию некапиталистического развития деревни: «Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая господином Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов—в рабочем движении всего мира,— т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества»[1].

Называя теорию некапиталистического развития деревни самообманом всего буржуазного общества, т. Ленин тем самым подчеркивал, что в основе этой ревизионистской теории лежит мечта мелкого буржуа стать самостоятельным хозяином, «выбиться в люди», обойтись без классовой борьбы. Ревизионисты, подражая буржуазным профессорам, противопоставляли деревню, как арену полного мира между классами, городу, как арене мятежной классовой борьбы.

Кантор не понял революционной и организующей роли крупной социалистической промышленности, поскольку он изображает кооперативное развитие в деревне, как самостоятельное и равноправное русло социалистического развития.

В другой его статье это выражено еще откровеннее: «Крестьянин сам, своими руками должен строить социализм в деревне... Пролетарское государство, весь рабочий класс должны ему всячески помочь в этом деле, но не пытаться заменить собою крестья-

[1] Т. IX. Стр. 186.

нина. Стомиллионную массу крестьянства никак не заменишь»[1].

Приведенная рулада лучше всего показывает, как этот кооперативный «оптимизм» скатывается к мелкобуржуазной, эс-эровской теории равноправия города и деревни, пролетариата и крестьянства в области социалистического строительства общества.

Тов. Ленин учил нас: «Один класс ведет, при капитализме, классовую борьбу с капиталом. Так же при ее продолжении в форме диктатуры пролетариата. Мелкая буржуазия—„постольку-поскольку" (сравни Коммунистический манифест)»[2].

Именно на забвении этой истины основываются все попытки новейшей ревизии ленинизма под прикрытием криков о ликвидаторском безверии противников этой ревизии.

Разве неловкий Кантор был одинок?

Полюбуйтесь для примера А. Стецким: утверждая, что «нам целесообразно... допустить капиталистический способ ведения хозяйства в деревне», он в то же время заявлял, что «именно кооперация создает в условиях диктатуры пролетариата для этой[3] основной массы крестьянских хозяйств возможность некапиталистической эволюции, создает возможность перехода к социализму — минуя капитализм — наиболее легким, безболезненным, доступным для крестьянина путем»[4].

У Стецкого, таким образом, получалось, что развитие капитализма и некапиталистическая эволюция в деревне пой-

---

[1] «Молодой большевик», № 4 (апрель).

[2] Ленинский сборник, III. Стр. 496.

[3] Середняцкой.

[4] «Новый этап новой экономической политики». «Комсомольская Правда», № 7.

дут... по двум совершенно обособленным половинкам. Очевидно, каждая прослойка крестьянства будет окружена стеклянным колпаком, так что кулак, распространяя свое капиталистическое влияние, не будет при этом ни эксплуатировать бедняка, ни закабалять середняка.

Теория срастания противоположных классовых групп и прослоек в деревне получила свое увенчание в учении о беспересадочном врастании кулака в социализм. Сломав границы между рабочим классом и крестьянством, наши «оптимистические» реформаторы занялись дальнейшим смешением классов уже в самой деревне. Таким-то путем и родилась на свет знаменитая формула Ю. Спасского: «В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала, а у нас он, даже в своем законченном кулацком виде, будет одним из винтиков машины социалистического накопления»[1].

Мы не обязаны перечислять всех Слепковых. Товарищ-читатель и без того уже достаточно угнетен цитированной нами мещанской пошлостью.

Остается еще указать на первоисточник самоновейших теорий «дополнения и восполнения» ленинизма. Это—старый утопист Фурье, проповедывавший смешение классов. Он доказывал, что «секрет единства интересов—в ассоциации. Все классы общества, ассоциированные и об'единенные общностью интересов, забудут взаимную ненависть...»[2].

Еще и еще раз старик Гегель был прав: исторические события повторяются дважды,—однажды как трагедия, другой раз как фарс.

Гвоздь всей недооценки отрицательных сторон НЭП'а заключается «в социалистическом» прикрашивании мелко-

---

[1] «Печать и революция», книга пятая-шестая.

[2] Ш. Фурье. Избранные сочинения. 1918 г. Москва. Стр. 143.

буржуазных условий, в пренебрежении к существующим классовым различиям и противоречиям. Если отрицание классовой борьбы рядится в блестящие одежды социалистического оптимизма, то это не меняет дела по существу. Отрицание социалистической роли и социалистического существа нашей промышленно- пролетарской базы и происходит в форме подкрашивания мелкобуржуазной отсталости и ее пороков, в форме попыток смазать различие ролей между пролетарием и мелким товаропроизводителем в переходный период от капитализма к коммунизму.

В конечном счете, все эти попытки уходят своими корнями в крестьянскую экономику, все еще остающуюся до известной степени почвой для возрождения капитализма и буржуазно-реформистских предрассудков.

Перед нами на-лицо прямые попытки смазать, затушевать, выхолостить классовую природу крестьянской экономики.

Отто Бауэр на последнем с'езде австрийской социал-демократии проделывал то же самое. В своем заключительном слове он сказал: «Крестьянское хозяйство само по себе не является ни капиталистической, ни социалистической формой предприятия. Однако, с возникновением капитализма в области промышленности, торговли и банкового дела, крестьянское хозяйство вынуждено было постепенно приспособляться к возникшему, таким образом, капиталистическому рынку... Аналогичным путем пойдет дело и со строительством социализма. Он, прежде всего, социализирует крупную промышленность, крупное землевладение, оптовую торговлю и банковское дело, таким образом будет создана та окружающая социалистическая среда, к которой должно будет приспособляться хозяйство крестьянина, путем такого же

органического процесса, какой происходил в капиталистическом окружении. Таким путем, без насилия, без помощи декретов, но посредством органического процесса приспособления к социалистическому окружению крестьянство будет включено в социалистическое общество»[1].

У Бауэра нет и намека на то, что до тех пор, пока еще не произошло отмирание классов, это приспособление будет одновременно и процессом развития классовых противоречий.

Однако, что вы хотите от меньшевика, когда наши большевистские взгляды на развитие крестьянского хозяйства рисуются иными литераторами в еще более отталкивающе-пошлом виде. «Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства»![2].

Попытки изображать общество, так или иначе разделенное на классы, как товарищество на паях,—такова основа всех теорий реформизма.

Мы исходим из решающей социалистической роли нашей обобществленной промышленности, потому что мы считаем непререкаемым руководство рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму. Громкой фразы мы не боимся, потому что взяли себе за правило руководиться тем примером, который завещал нам Ильич. Ленинградских же рабочих Владимир Ильич особенно ценил за то, что они «наименее податливы на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние»[3]. — Если с ростом наших материльных успехов на пути к социализму шагнуло

---

[1] Венская «Рабочая Газета», 17 ноября 1925 г.

[2] Ю. Спасский «Печать и революция». Книга пятая-шестая.

[3] См «Ленин о ленинградских рабочих». Стр. 179.

вперед и классовое расслоение на мелко-буржуазной почве в нашей стране, мы не поддадимся отчаянию и не впадем в мелко-буржуазный маразм, прикрывающийся «оптимистическими» словечками. Социализм мы не отделяем от рабочего класса.